C 14/65

14
C65

Левъ Ладалка.

ДЕСЯТИНЩИКИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Посвящается Владиміру Бонифатьевичу Антоновичу.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина".

УКРАИН. ИМ. РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІОТЕКА

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4-а
1895.

138

Левъ Падалка.

ДЕСЯТИНЩИКИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Посвящается Владиміру Бонифатьевичу Антоновичу.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 Сентября 1895 года.

2007051194

ДЕСЯТИНЩИКИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Историко-статистическій очеркъ).

Посвящается Владиміру Бонифатьевичу Антоновичу.

Десятинщики херсонской губерніи въ пестромъ населеніи новороссійскаго края представляютъ группу, довольно значительную по численности и весьма оригинальную по основнымъ чертамъ своего экономическаго быта. Эта группа населенія, возникшая подъ вліяніемъ цѣлаго ряда предшествующихъ измѣненій въ исторической судьбѣ края, въ настоящемъ своемъ видѣ сложилась сравнительно въ недавнее время, послѣ крестьянской реформы 1861 года, неожиданно поставившей десятинщиковъ въ положеніе забытой группы земледѣльческаго населенія. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства современный экономическій бытъ херсонскихъ десятинщиковъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе. Охарактеризовать этотъ бытъ въ связи съ историческими вліяніями, вызвавшими тѣ или иныя его черты, и составляетъ задачу настоящаго очерка.

Число десятинщиковъ въ херсонской губ., по даннымъ статистическаго изслѣдованія 1885—86 годовъ, а также за 1889 г., достигаетъ 115000 душъ обоего пола, что составляетъ около 7,15% сельскаго населенія губерніи, или около 5,30% всего населенія въ губерніи, не исключая и городовъ. Живутъ десятинщики въ 1094 поселеніяхъ, изъ которыхъ около 280 поселеній населено исключительно десятинщиками. Разселились

десятинщики преимущественно въ западной части губерніи, въ уѣздахъ ананьевскомъ, тираспольскомъ и одесскомъ. На эти три уѣзда, занимающіе почти $^1/_3$ пространства всей губерніи, приходится десятинщиковъ почти въ 3 раза больше, чѣмъ на остальную ея часть. Херсонскіе десятинщики, по основному статистическому описанію губерніи, составляютъ около 20000 земледѣльческихъ хозяйствъ, запахивающихъ до 195000 десятинъ земли и имѣющихъ въ общемъ своемъ составѣ 40 съ лишнимъ тысячъ рабочихъ лошадей, около 15 тысячъ воловъ, 80 съ лишнимъ тысячъ остальнаго крупнаго и почти 100 тысячъ мелкаго скота,—и тѣмъ не менѣе являются полукочевымъ населеніемъ, такъ какъ, не имѣя своей земли и занимаясь хлѣбопашествомъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, они по различнымъ причинамъ очень часто переходятъ отъ одного владѣльца къ другому на разстояніи десятковъ верстъ.

Отличительная черта быта десятинщиковъ, какъ особой группы земледѣльческаго населенія, помимо безземелья, заключается еще въ томъ, что десятинщики снимаютъ землю исключительно по сдѣлкамъ. Чиншевики и „поссессоры“ (арендаторы) отличаютъ себя и въ дѣйствительности отличаются отъ десятинщиковъ, такъ какъ сидятъ на землѣ прочнѣе этихъ послѣднихъ, ведя хозяйство на капиталистическихъ основаніяхъ, тогда какъ десятинщики связаны съ землей исключительно трудовымъ началомъ.

Сопряженный съ значительными затрудненіями по существу земледѣльческаго занятія, переходъ десятинщиковъ отъ одного землевладѣльца къ другому обусловливается, главнымъ образомъ, быстрымъ передвиженіемъ землевладѣнія изъ рукъ въ руки, особенно рѣзко проявляющимся въ западной части херсонской губерніи въ силу сравнительнаго экономическаго и вообще культурнаго неустройства этой мѣстности, позже другихъ примкнувшей къ общему строю экономическихъ и общественныхъ отношеній въ новороссійскомъ краѣ. Смѣна владѣльцевъ и арендаторовъ земли очень часто сопровождается повышеніемъ съемныхъ платъ за землю, что наичаще вынуждаетъ десятинщиковъ переходить съ мѣста на мѣсто. Нельзя не замѣтить при этомъ,

что нерѣдки случаи передвиженія десятинщиковъ и безъ особыхъ поводовъ со стороны владѣльцевъ земли, а, повидимому, въ силу положенія вещей, выработавшаго у нихъ склонность не засиживаться долго на одномъ мѣстѣ, на что указываютъ сами десятинщики, объясняя часть своихъ передвиженій пословицей: „хочъ гирше, абы инше“.

Полукочевой бытъ десятинщиковъ налагаетъ печать и на ихъ поселенія. „Отсутствіе своей хаты, постоянный переходъ отъ одного пана къ другому, необезпеченность завтрашняго дня—говорятъ изслѣдователи одесскаго уѣзда,—все это наложило грустный отпечатокъ на житье десятинщиковъ... И дѣйствительно, для чего десятинщику строить хату на чужой землѣ, пристраивать сарай, разводить садокъ, копать криницу, когда онъ не знаетъ, долго ли онъ останется на этомъ мѣстѣ, когда, быть можетъ, въ слѣдующемъ году ему придется искать хату за 30 верстъ отсюда. И вотъ отчего можно почти всегда, по первому взгляду, отличить поселеніе десятинщиковъ отъ крестьянскаго: куча безпорядочно разбросанныхъ землянокъ, глубоко сидящихъ въ землѣ, неокопанные дворы, развалившіеся сараи, сдѣланные большею частію изъ навоза и кое-какъ прикрытые сверху бурьяномъ. Ни одного деревца вокругъ жилья, вообще отсутствіе уютности, домовитости и хозяйскаго глаза,—все это говоритъ, что въ такомъ поселкѣ живутъ десятинщики“ [1]).

Живутъ десятинщики въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ построенныхъ землевладѣльцами хатахъ, напоминающихъ своимъ видомъ землянки. Въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи у десятинщиковъ сравнительно больше хатъ, построенныхъ ими самими на владѣльческой землѣ или въ рѣдкихъ случаяхъ на землѣ крестьянскихъ обществъ, но и въ этихъ уѣздахъ гораздо большая часть десятинщиковъ живетъ въ владѣльческихъ хатахъ. Преобладающія платы за жилье 5—10 рублей въ годъ за землянки („гадючники“) и 15—30 р. за хаты съ крышей—„верховыя“. Хозяйственныя постройки у десятинщиковъ сооружают-

[1]) Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ., т. 1-й, одесскій уѣздъ, стр. 58.

ся изъ земли, навоза и бурьяну почти всегда ими самими. Собственныя хаты рѣдки у десятинщиковъ потому, что, въ случаѣ перехода, десятинщику пришлось бы продавать свою хату владѣльцу земли за цѣну, меньшую ея стоимости, или перевозить съ собою, что представило бы большія затрудненія. Хозяйственныя постройки устраиваются десятинщиками съ возможно меньшими затратами, почему и случается обыкновенно, что съ переходомъ десятинщика постройки на его прежней временной осѣдлости ничего не стоятъ.

Съемныя цѣны на землю, снимаемую погодно десятинщиками, довольно разнообразны въ различныхъ мѣстностяхъ херсонской губерніи въ зависимости отъ плодородія почвы, отъ густоты населенія въ данной мѣстности, отъ разстоянія до пунктовъ сбыта продуктовъ и т. д. При всемъ разнообразіи съемныхъ цѣнъ на землю, ихъ, однако, можно подраздѣлить по двумъ полосамъ губерніи: въ южной полосѣ съемныя цѣны колеблются, по даннымъ хозяйственно-статистическихъ обзоровъ херсонской губерніи, наичаще отъ 4 до 8 рублей, при преобладаніи 6 рублей за десятину, въ сѣверной же полосѣ колебанія цѣнъ опредѣляются 6—10 рублями, при преобладаніи 8 рублей за десятину.—Снимаютъ землю десятинщики не только за деньги, но и за копу. Въ южной части губерніи, владѣльцу земли, при скопщинной съемкѣ, наичаще дается четвертая копа, или разъ четвертая, другой—третья ($^1/_4 + \frac{^1/_3}{2}$); въ сѣверной же полосѣ губерніи владѣлецъ получаетъ наичаще третью копу съ приплатой одного рубля отъ снимаемой десятины, или съ отработкой въ теченіе нѣсколькихъ дней въ зависимости отъ существующаго въ извѣстной мѣстности обыкновенія. Въ Побужьи довольно распространена съемка за *оторъ*: за десятину снимаемой земли десятинщикъ выорываетъ владѣльцу ея $^1/_4$, а мѣстами и $^1/_3$ десятины, при чемъ всю снимаемую землю (свою и владѣльческую части) десятинщикъ обязанъ засѣвать своими сѣменами. Такая форма землепользованія спорадически встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ херсонщины, преимущественно въ южной ея полосѣ.

За выпасъ скота десятинщики платятъ отъ 2 до 5 рублей за крупную штуку. Эти платы по губерніи отличаются такимъ же разнообразіемъ, какъ и отмѣченныя выше съемныя цѣны за землю. Высота платъ за выпасъ скота въ большинствѣ случаевъ прямо пропорціональна съемнымъ платамъ, хотя наблюдаются мѣстами и рѣзкія отступленія въ сторону повышенія платъ за выпасъ скота. Объясняется это не естественными свойствами выпасовъ, а ненормальными экономическими отношеніями, обусловливаемыми склонностью нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ десятинщиковъ.

Таковы существенныя внѣшнія черты быта десятинщиковъ. Прослѣдимъ теперь, подъ воздѣйствіемъ какихъ историческихъ вліяній складывался этотъ бытъ.

Группа десятинщиковъ, какъ особый общественный слой въ новороссійскомъ краѣ, начала складываться настолько давно, что правительственная колонизація его послѣ присоединенія къ Росссіи при Екатеринѣ II застала десятинщиковъ, занесенныхъ сюда естественнымъ потокомъ народной колонизаціи, а въ 1804 году русское иравительство уже обнародовало „положеніе объ обязанныхъ поселянахъ“, подъ которыми, какъ увидимъ ниже, и понимались десятинщики.— По этому положенію выходцы изъ разныхъ мѣстъ, поселившіеся на помѣщичьихъ земляхъ и исполнявшіе въ отношеніи къ помѣщикамъ принятыя ими на себя обязательства, сохраняли личную свободу, при чемъ помѣщикамъ запрещалось „укрѣплять“ за собою такихъ поселянъ.

Терминъ, принятый для обозначенія описываемаго сословія, встрѣчается въ литературѣ съ различными толкованіями, въ ряду которыхъ встрѣчаемъ между прочимъ производство этого слова отъ подесятинной съемки земли. Но такое толкованіе является однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній при объясненіи историческихъ явленій, какія происходятъ вслѣдствіе произвольнаго перенесенія позднѣйшихъ признаковъ явленія на время предшествующее, когда такіе признаки вовсе не имѣли мѣста. Статистическое изслѣдованіе херсонской губерніи даетъ иное объясненіе названія „десятинщикъ“. На Поднѣстровьѣ еще и теперь обращается въ обиходѣ слово „дежма“, т. е. десятая доля, упо-

требляемое для обозначенія особыхъ экономическихъ отношеній, широко практиковавшихся здѣсь раньше, а въ настоящее время сохранившихся лишь въ видѣ переживанія. Такъ, еще и въ настоящее время десятинщики мѣстами уплачиваютъ въ пользу землевладѣльца дежму, т. е. $^1/_{10}$ долю съ птицы и пчелъ, разводимыхъ на его землѣ.

Документальное свидѣтельство о дежмѣ находимъ въ отмѣченномъ выше „положеніи“ объ обязанныхъ поселянахъ. „Положеніе“ 1804 года, ближайшимъ образомъ вызванное протестомъ переселившихся въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Бессарабіи молдаванъ противъ закрѣпощенія ихъ новороссійскими помѣщиками, обязываетъ ихъ, между прочимъ, по ихъ обычаю, уплачивать помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ они вели хозяйство, десятую долю продуктовъ земледѣлія и скотоводства (деньгами или натурою, по соглашенію). „Положеніе“ при этомъ налагало на поселянъ обязательство 3 дня въ году косить бурьянъ, замѣнявшій лѣсъ, какъ матеріалъ для топлива въ херсонской губерніи, и 4 дня въ году работать въ виноградникахъ землевладѣльцевъ съ платой по 25 копѣекъ въ день. Любопытно, что налагаемое „положеніемъ“ обязательство молдавскихъ выходцевъ оставаться на тѣхъ земляхъ, гдѣ ихъ застала ревизія 1785 года, вслѣдъ за тѣмъ было съ нихъ снято вслѣдствіе непрекращающихся недоразумѣній съ помѣщиками.

Такъ свидѣтельствуетъ о десятинщикахъ молдаванахъ „Положеніе объ обязанныхъ поселянахъ“ 1804 года.

Но не одни молдаване на описанныхъ правахъ селились на владѣльческихъ земляхъ. Въ памяти старожиловъ въ различныхъ мѣстахъ тираспольскаго, одесскаго и ананьевскаго уѣздовъ въ сторонѣ отъ молдавскихъ поселеній сохранились воспоминанія о платѣ за землю $^1/_{10}$ частью продуктовъ земледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Такія преданія находятъ подтвержденіе въ общихъ условіяхъ перваго періода новѣйшей колонизаціи новороссійскаго края, хотя правительственные указы и запрещали выходцамъ изъ внутреннихъ губерній селиться на правахъ обязанныхъ поселянъ, но запрещеніе это шло въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ ходомъ колонизаціи въ краѣ, и

указы оставались недѣйствительными. Если среди херсонскихъ помѣщиковъ и были охотники „укрѣплять“ за собою людей вольныхъ, то это удавалось лишь немногимъ, такъ какъ по сосѣдству находилась „вольная“ Бессарабія, гдѣ выходцы изъ разныхъ мѣстъ, поселившіеся въ херсонской губерніи, всегда могли найти пріютъ, безвозвратно оставивъ несговорчиваго патрона. По этой причинѣ въ херсонской губерніи, главнымъ образомъ, и упрочилось первоначально не крѣпостное, а десятинщицкое право.

„Бѣглые Новороссіи“ настолько популярны, что въ нашемъ очеркѣ достаточно ограничиться нижеслѣдующими подробностями. Разсказы старожиловъ о спеціальныхъ экспедиціяхъ во внутреннія губерніи довѣренныхъ лицъ отъ херсонскихъ помѣщиковъ для зазыва населенія на вольныя земли находятъ подтвержденіе въ частыхъ правительственныхъ указахъ о бродягахъ и бѣглыхъ, грозившихъ этимъ послѣднимъ рекрутствомъ, арестантскими ротами и Сибирью и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно свидѣтельствующихъ, что всѣ тѣ бѣглые пользовались поддержкой въ самомъ новороссійскомъ краѣ. Такіе указы не могли побудить помѣщиковъ не принимать бѣглыхъ уже по одному тому, что другіе указы въ то-же самое время велѣли заселять розданные на рангъ земли.

Зазываніе на слободы, широко примѣнявшееся въ первой половинѣ 18 столѣтія въ правобережной Украинѣ, повторилось въ новороссійскомъ краѣ въ концѣ того же и въ началѣ 19 столѣтія, при новыхъ условіяхъ, нѣсколько видоизмѣнившихъ его въ подробностяхъ, но въ общемъ выражавшихъ тотъ же внутренній смыслъ: и здѣсь мы видимъ, съ одной стороны, поиски за вольною землею, а съ другой—стремленіе землевладѣльцевъ края использовать по мѣрѣ возможности пустующія земли.— Въ такомъ положеніи новороссійскія степи находились еще значительно раньше отмѣченнаго предъ этимъ времени, къ которому относятся опредѣленныя преданія и документальныя свидѣтельства о занимающей насъ группѣ десятинщиковъ.

Съ теченіемъ времени составъ группы десятинщиковъ—выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ Украины—постепенно измѣнялся.

Неопредѣленность общественной правоспособности этого сословія, какъ увидимъ ниже, не могла не способствовать стремленію наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ выйти изъ этого сословія; а слабѣйшіе элементы не могли избѣжать закрѣпощенія, какъ это хорошо помнятъ многіе старожилы въ краѣ. Но на ряду съ этимъ составъ десятинщиковъ пополняется притокомъ новыхъ элементовъ. Въ теченіе всей первой половины настоящаго столѣтія въ положеніе десятинщиковъ становились такъ называемые „безсмертные“ мѣщане, т. е. бѣглые, записывавшіеся въ мѣщанскія общества не подъ своими именами, а съ именами умершихъ членовъ этихъ обществъ. Случалось, что имя и фамилія подлиннаго мѣщанина переходила послѣдовательно отъ одного къ другому изъ бѣглыхъ Новороссіи въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Возможность избѣгать такимъ путемъ личнаго закрѣпощенія привела многихъ въ ряды лично свободныхъ десятинщиковъ.

Нѣмецкая колонизація въ Новороссіи въ свою очередь дала элементы для сословія десятинщиковъ, съ одной стороны, потому что не всѣмъ нѣмцамъ удалось получить тамъ надѣльные участки земли, съ другой стороны, потому, что при недѣлимости надѣльныхъ участковъ у нѣмцевъ-колонистовъ, потомкамъ первыхъ колонистовъ часто приходилось искать на сторонѣ землю для веденія хозяйства.

При такомъ положеніи нѣмцы, не имѣвшіе средствъ для пріобрѣтенія земли въ частную собственность, примѣнялись къ мѣстнымъ экономическимъ отношеніямъ, сложившимся въ краѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ точно также поступали въ ряды десятинщиковъ.

Въ силу такого же приспособленія къ распорядкамъ мѣстной жизни, десятинщиками становились изрѣдка и безземельные евреи, склонные къ земледѣлію.

Наиболѣе значительный притокъ новыхъ элементовъ въ сословіе десятинщиковъ послѣдовалъ въ недавнее время, въ промежутокъ между 1861 и 1869 годами, при надѣленіи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ землею. Дворовые крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при введеніи крестьянской реформы,

остались безъ надѣловъ; между оброчными крестьянами оказалось также не мало такихъ, которые отказались отъ надѣловъ, изъ опасенія, чтобы надѣленіе землею въ будущемъ не послужило поводомъ для новаго укрѣпленія; накопецъ крестьяне мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ большею частію остались также безъ земли. Всѣ эти группы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получивъ освободительные акты, записывались въ мѣщане разныхъ городовъ. Часть ихъ затѣмъ ушла въ города для добыванія хлѣба ремесломъ и другими видами городскихъ занятій, большая же часть, назвавшись мѣщанами, не порвала связей съ земледѣльческимъ занятіемъ, самымъ распространеннымъ въ краѣ.

Значительное большинство изъ этой группы земледѣльческаго населенія обратилось такимъ образомъ въ десятинщиковъ. Группа изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ является наиболѣе многочисленною среди десятинщиковъ херсонской губерніи и придаетъ довольно яркую окраску всему сословію десятинщиковъ. Десятинщиковъ и теперь часто называютъ мѣщанами, такъ называютъ себя большею частію и сами они, опредѣляя свое сословіе; мѣщанинъ въ херсонской губерніи въ глазахъ мѣстнаго населенія—синонимъ убожества и экономической зависимости. Десятинщики изъ „актовыхъ“, т. е. крестьянъ, получившихъ освободительные акты, называютъ себя „выпханцями“. Такое названіе, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ большинству десятинщиковъ. „Выпханци“—тѣмъ болѣе характерное явленіе, что историческій ходъ событій поставилъ ихъ въ ряды сословія, пользовавшагося, какъ отмѣчено выше, сравнительнымъ благосостояніемъ. Современныя экономическія отношенія въ новороссійскомъ краѣ по сравненію съ концомъ прошлаго столѣтія измѣнились до неузнаваемости, и десятинщики происшедшими измѣненіями поставлены въ совершенно новое положеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія землевладѣльцы, всѣми мѣрами втискивая десятинщиковъ, взымали съ нихъ за землю только десятую долю продукта, а въ настоящее время повышеніемъ и безъ того значительныхъ платежей за землю землевладѣльцы вызываютъ усиленныя передвиженія десятинщиковъ съ мѣста на мѣсто.

День Покрова (1 октября) для херсонскихъ десятинщиковъ то же, что былъ когда-то Юрьевъ день (17 октября) для крестьянъ въ Великороссіи, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что для великорусскихъ крестьянъ Юрьевъ день былъ днемъ желаннымъ, а день Покрова—тяжелый день для десятинщиковъ, вынужденныхъ сниматься съ мѣста и иногда попадающихъ въ положеніе „выханцевъ“. Уголки, гдѣ десятинщики живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ „съ предкивъ“, являются рѣдкимъ исключеніемъ, а патріархальныя отношенія между землевладѣльцами и десятинщиками отошли уже въ область преданія, какъ и *дежма*, сохранившаяся только въ названіи нынѣшнихъ десятинщиковъ.

Домашній бытъ десятинщиковъ таковъ же, какъ и бытъ мѣстныхъ крестьянъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ той части хозяйствъ десятинщиковъ, которыя относятся къ разряду наименѣе обезпеченныхъ, убожество выражается еще рѣзче, условія жизни еще болѣе тягостны, чѣмъ въ самыхъ убогихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, такъ какъ крестьянинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, связанъ съ громадой; всякій крестьянинъ—членъ крестьянскаго общества, и какъ бы ни были неудовлетворительны общественныя распорядки, все же общество такъ или иначе приходитъ на помощь своему члену въ критическихъ случаяхъ жизни; десятинщики же безпомощны въ своей оторванности. Общественная изолированность является тяжелымъ условіемъ для десятинщиковъ. Опредѣленными отношеніями десятинщики связаны только съ землевладѣльцами, на земляхъ которыхъ они живутъ. Дѣятельность земскихъ учрежденій, направленная на удовлетвореніе мѣстныхъ пользъ и нуждъ, не касается десятинщиковъ, такъ какъ, не владѣя землей и другими недвижимыми имуществами, десятинщики не связаны съ земствомъ никакими отношеніями. „Земскія народныя школы, пріемные медицинскіе покои и другіе виды организованнаго содѣйствія земства мѣстному населенію являются посторонними для десятинщиковъ учрежденіями. Мѣстное земство, при всемъ своемъ вниманіи къ потребностямъ многочисленной земледѣльческой группы, въ предѣлахъ своей компетенціи могло только косвенно содѣйствовать улучшенію быта десятинщиковъ. Такъ, по ходатайству херсонскаго губ.

земства передъ правительствомъ въ 1887 г. о надѣленіи землею десятинщиковъ, незначительной части этихъ послѣднихъ удалось получить въ оброкъ земельные участки изъ казенно-оброчныхъ земель. Общественное положеніе десятинщиковъ настолько неопредѣленно, что они не представляютъ даже сословной группы въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ сословномъ отношеніи они лишь номинально связаны съ различными, большею частію далекими мѣщанскими обществами, съ которыми у нихъ нѣтъ никакихъ реальныхъ отношеній; при этомъ десятинщики стоятъ внѣ мѣстнаго волостного и сельскаго управленія. Дѣлами десятинщиковъ вѣдаетъ, такимъ образомъ, только полиція.

Десятинщики херсонской губерніи даютъ въ среднемъ по губерніи свыше 90% хозяйствъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, причемъ въ южныхъ уѣздахъ численность такихъ хозяйствъ поднимается за 95%, а въ сѣверныхъ уѣздахъ до 75% общаго числа десятинщиковъ. Процентное отношеніе числа хозяйствъ десятинщиковъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, къ общему числу десятинщицкихъ хозяйствъ меньше всего въ александрійскомъ уѣздѣ, въ которомъ, вообще говоря, затруднительнѣе брать землю въ съемку, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ херсонской губерніи; достаточно отмѣтить, что александрійскій уѣздъ—наиболѣе плотно населенная и самая малоземельная часть херсонской губерніи [1]). Слѣдующую затѣмъ по численности группу составляютъ десятинщицкія хозяйства, занимающіяся ремеслами наряду съ земледѣліемъ. Процентное отношеніе десятинщиковъ по этому признаку располагается по уѣздамъ губерніи въ обратномъ порядкѣ, достигая въ александрійскомъ уѣздѣ 8,5% общаго числа десятинщиковъ въ этомъ уѣздѣ. Ремесла десятинщиковъ точно такъ-же, какъ и окружающихъ ихъ крестьянъ, разсчитаны на удовлетвореніе элементар-

[1]) Въ александрійскомъ уѣздѣ, по хозяйственно-статистическому обзору за 1889 годъ, довольно близкій ко времени основного статистическаго описанія губерніи, приходилось 39 жителей на 1 кв. версту и 2,63 дес. на 1 жителя; тогда какъ въ наименѣе плотно населенномъ одесскомъ у. (безъ одесскаго градоначальства)—22 жителя на 1 кв. версту и 4,72 десятины земли на 1 жителя.

ныхъ мѣстныхъ потребностей, преимущественно распространены ремесла ткацкое, портняжное, сапожное, кузнечное, изрѣдка кожевенное (собственно „чембарное"), плотничество и т. д. Въ кустарныхъ промыслахъ, очень слабо развивающихся въ херсонской губерніи десятинщики принимаютъ слабое участіе; торговлей и шинкарствомъ занимаются въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Гораздо чаще десятинщики идутъ въ наймы или поддерживаютъ свое хозяйство поденщиной. Наибольшій процентъ батраковъ и поденщиковъ даютъ десятинщики александрійскаго уѣзда (12%), найменшій—елисаветградскій у. (2%). Изъ сѣверной полосы херсонской губерніи десятинщики, кромѣ этого, уходятъ и на мѣстные заработки въ менѣе населенные южные ея уѣзды, а также въ Таврію.

Для характеристики степени экономическаго обезпеченія десятинщиковъ по отдѣльнымъ частямъ херсонщины въ настоящее время нѣтъ полныхъ данныхъ, такъ какъ подворное статистическое описаніе произведено только въ 3 сѣверныхъ уѣздахъ этой губерніи (елисаветградскомъ, александрійскомъ и ананьевскомъ). На 100 десятинщицкихъ хозяйствъ въ 3-хъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи въ общемъ приходится:

Жилыхъ построекъ	около	95
Холодныхъ „	„	85
Лошадей	„	150
Воловъ	„	100
Коровъ	„	120
Гулевого крупнаго скота	„	170
„ мелкаго „	„	200

Запашки на одно хозяйство въ среднемъ для всѣхъ десятинщиковъ названныхъ уѣздовъ приходится 9 десятинъ. Для южныхъ уѣздовъ: тираспольскаго, одесскаго и херсонскаго показатели экономическаго благосостоянія, судя по отрывочнымъ наблюденіямъ, нѣсколько ниже, чѣмъ для сѣверныхъ.

Характерно, что приведенные средніе показатели степени благосостоянія десятинщиковъ въ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи нѣсколько выше соотвѣтствующихъ среднихъ показателей благосостоянія крестьянъ, не только бывшихъ помѣщачь-

ихъ, но и сравнительно лучше надѣленныхъ землею бывшихъ военныхъ поселянъ и крестьянъ государственныхъ. Но приведенными средними показателями благосостоянія десятинщиковъ не опредѣляется распредѣленіе благосостоянія по отдѣльнымъ ихъ группамъ. А между тѣмъ для характеристики быта десятинщиковъ существенно важнымъ является то обстоятельство, что существуетъ слишкомъ рѣзкая разница въ обезпеченіи различныхъ ихъ группъ. Богатые десятинщики производятъ посѣвы на 50—60 десятинъ, иногда и въ большемъ размѣрѣ, а много бѣдняковъ, занятыхъ главнымъ образомъ чужою работою, часто обсѣменяетъ 2—3 десятины. При подворной переписи елисаветградскаго уѣзда, изъ живущихъ въ этомъ уѣздѣ десятинщиковъ на общихъ сходахъ назвались богатыми $1{,}_2$ %, зажиточными $5{,}_4$ % средними $31{,}_6$ %, недостаточными $19{,}_1$ % и бѣдными $43{,}_3$ %. Не сводятъ, такимъ образомъ, концовъ съ концами около $^2/_3$ десятинщиковъ елисаветградскаго уѣзда, гдѣ они, по общимъ культурнымъ условіямъ мѣстности, сидятъ на землѣ сравнительно прочнѣе. Особенно слаба экономическая группа десятинщиковъ изъ актовыхъ, то есть получившихъ отъ помѣщиковъ освободительные акты безъ земли. Такіе десятинщики въ огромномъ большинствѣ случаевъ не успѣли упрочить свой матеріальный быть и въ настоящее время принадлежатъ къ числу бѣднѣйшихъ десятинщицкихъ хозяйствъ. Нельзя не замѣтить, что такое положеніе послѣдней группы десятинщиковъ объясняется еще и заурядъ наблюдаемымъ, особенно ярко проявляющимся въ этой группѣ, неумѣньемъ производительно употреблять имѣющіяся средства. Многіе десятинщицкіе поселки тираспольскаго и одесскаго уѣздовъ, преимущественно изъ бывшихъ дворовыхъ, отличающіеся крайнимъ убожествомъ, побуждаютъ связывать степень экономическаго благосостоянія непосредственно съ общимъ уровнемъ культурныхъ склонностей и навыковъ. Но глубоко правы и десятинщики изъ актовыхъ въ своемъ укорѣ прежнему времени и прежнимъ дѣятелямъ, когда говорятъ они теперь: „якъ далы намъ ахту, щобъ мы ахкалы, то мы й доси ахкаемъ“.

Внутреннія черты быта десятинщиковъ въ значительной мѣрѣ опредѣляются данными, характеризующими степень распростра-

нія грамотности среди этой группы населенія въ херсонской губ. Среди десятинщиковъ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи на 1000 мужчинъ наличнаго населенія грамотныхъ приходится 94, а на 1000 женщинъ—грамотныхъ только 14. Любопытно, что степень грамотности понижается по направленію отъ Днѣпра къ Днѣстру. Такъ, въ александрійскомъ уѣздѣ грамотные мужчины изъ десятинщиковъ составляютъ 10,9%, женщины—1,8%, въ елисаветградскомъ у. мужчины—8,3%, женщины—1,6%, въ ананьевскомъ мужчины—9,1% и женщины—0,8%. Въ южныхъ уѣздахъ херсонской губ. грамотность среди десятинщиковъ распространена, повидимому, еще слабѣе. Но если и эти показатели распространенія грамотности среди десятинщиковъ сравнимъ съ соотвѣтствующими показателями для другихъ сословій, то окажется, что въ этомъ отношеніи десятинщики уступаютъ лишь бывшимъ военнымъ поселянамъ. Принимая въ разсчетъ неблагопріятныя условія быта десятинщиковъ, отмѣченныя выше, нельзя не прійти къ заключенію, что стремленіе къ просвѣщенію среди десятинщиковъ значительно сильнѣе, чѣмъ среди крестьянъ. Отмѣченныя черты быта десятинщиковъ относятся не ко всему ихъ составу. До этого мы характеризовали бытъ десятинщиковъ, въ племенномъ отношеніи принадлежащихъ къ малороссамъ, великороссамъ, поляками, молдаванамъ и болгарамъ. Всѣ эти этнографическіе элементы въ бытовомъ отношеніи не представляютъ существенныхъ особенностей. Только о болгарахъ слѣдуетъ замѣтить, что они обычно занимаются огородничествомъ.

Особыми признаками отличаются десятинщики евреи и нѣмцы. Но эти группы десятинщиковъ не могутъ быть охарактеризованы здѣсь съ достаточною полнотою вслѣдствіе того, что десятинщиковъ евреевъ и нѣмцевъ сравнительно мало въ сѣверныхъ уѣздахъ, для которыхъ только и имѣются подробные матеріалы, заключающіеся въ результатахъ подворныхъ переписей названныхъ уѣздовъ. Еврейскіе и нѣмецкіе элементы среди десятинщиковъ съ наибольшей полнотой могутъ быть охарактеризованы по ананьевскому уѣзду, въ которомъ они составляютъ замѣтную часть среди десятинщиковъ этого уѣзда.

Десятинщики евреи въ ананьевскомъ уѣздѣ составляютъ 1,3% общаго числа десятинщиковъ этого уѣзда, по отношенію же къ общему числу евреевъ, живущихъ здѣсь, составляютъ 2,9%. Послѣдній процентъ является довольно точнымъ показателемъ тяготѣнія евреевъ къ земледѣльческому занятію, при чемъ необходимо еще имѣть въ виду, что отмѣченный процентъ не обнимаетъ евреевъ, занимающихся земледѣліемъ на собственной и арендной землѣ и составляющихъ около 1,7% всего еврейскаго населенія этого уѣзда. Показатели экономическаго положенія евреевъ десятинщиковъ ананьевскаго уѣзда выражаются нижеслѣдующими цифровыми данными, приводимыми по разсчету на 100 хозяйствъ евреевъ десятинщиковъ: жилыхъ построекъ 93, холодныхъ—74, лошадей—177, воловъ—2, коровъ—180, гулевого крупнаго скота 221, мелкаго 363; запашки въ среднемъ на 1 хозяйство приходится 9,47 десятины.

Такимъ образомъ, десятинщики-евреи ананьевскаго уѣзда, по сравненію съ предыдущей группой *всѣхъ 3 сѣверныхъ* уѣздовъ херсонской губ. десятинщиковъ, болѣе обезпечены лошадьми, живымъ скотомъ и скотомъ мелкимъ. Нѣсколько большій размѣръ запашки у десятинщиковъ евреевъ на 1 хозяйство, при меньшемъ обезпеченіи рабочимъ скотомъ (рабочими лошадьми и волами въ общей сложности), объясняется, повидимому, преобладаніемъ въ составѣ рабочаго скота лошадей, сравнительно съ волами болѣе поворотливыхъ въ работѣ, а можетъ быть, и большимъ пользованіемъ рабочей силы животныхъ. Жилищами евреи-десятинщики обезпечены въ такой же мѣрѣ, какъ и предыдущая группа десятинщиковъ; хозяйственныхъ же построекъ у евреевъ, не смотря на большой размѣръ запашки, замѣтно меньше.—Процентъ грамотныхъ въ группѣ десятинщиковъ—евреевъ гораздо выше: грамотные мужчины среди евреевъ десятинщиковъ составляютъ 52%, грамотныя женщины—9%.

Нѣмцы-десятинщики представляютъ наиболѣе обезпеченную группу десятинщиковъ въ ананьевскомъ уѣздѣ такъ же, какъ, повидимому, и во всѣхъ другихъ уѣздахъ херсонской губерніи. Хозяйственное обезпеченіе десятинщиковъ-нѣмцевъ въ названномъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: на 100 хо-

зяйствъ приходится жилыхъ построекъ 93, холодныхъ—86, рабочихъ лошадей—374, воловъ—26, коровъ 263, гулеваго крупнаго скота—297, мелкаго—1,333; средняя запашка на 1 хозяйство этой группы десятинщиковъ опредѣляется 17,18 десятины. Десятинщики-нѣмцы превосходятъ всѣ другія группы десятинщиковъ по размѣрамъ запашки и по числу скота, главнымъ образомъ мелкаго, состоящаго почти исключительно изъ тонкорунныхъ овецъ. При такой состоятельности нѣмцамъ не трудно обращаться изъ десятинщиковъ въ поселянъ собственниковъ, какъ это и происходитъ довольно часто. Достаточно отмѣтить, что нѣмцы херсонской губерніи, получившіе при своемъ водвореніи въ надѣлъ около 186,000 дес., въ настоящее время на правахъ частной собственности владѣютъ 600 съ лишнимъ тысячъ десятинъ земли. Распространенность грамотности въ этой группѣ выражается 47% грамотныхъ среди мужчинъ и 32% среди женщинъ.

Приводимъ сводъ признаковъ хозяйственной обезпеченности всѣхъ трехъ описанныхъ выше группъ десятинщиковъ, сопоставляя при этомъ наиболѣе обезпеченную группу нѣмцевъ съ остальными:

На 100 хозяйствъ приходится

	У десятинщиковъ новороссовъ.	У десятинщиковъ евреевъ.	У десятинщиковъ нѣмцевъ.	У десятинщиковъ нѣмцевъ приходится. Сравн. съ 1 группой.	Сравн. съ 2 группой.
Построекъ:					
жилыхъ. . . .	93	93	93	*0*	*0*
холодныхъ. . .	86	74	86	*0*	*+12*
скота рабочаго					
лошадей. . .	164	177	374	*+110*	*+97*
воловъ . . .	108	2	26	*−82*	*+24*
скота не рабочаго					
коровъ . . .	143	180	263	*+120*	*+83*
гулеваго. . .	210	221	297	*+87*	*+76*
мелкаго . . .	231	363	1333	*+1102*	*+970*
запашки (десят.)	931	947	1718	*+787*	*+771*

Небезынтереснымъ является то обстоятельство, что десятинщики херсонской губерніи даютъ значительный контингентъ штундистовъ. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій за 1887 годъ, изъ безземельныхъ херсонской губерніи штундистовъ числилось 1306 душъ мужеска и 1167 душъ женска пола. Эти безземельные штундисты въ огромномъ большинствѣ—десятинщики.

Въ началѣ настоящаго очерка мы отмѣтили въ самыхъ общихъ чертахъ условія, вліявшія на формированіе быта десятинщиковъ херсонской губерніи. Въ заключеніе представляется умѣстнымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на главнѣйшихъ моментахъ того историческаго процесса, результатомъ котораго явился современный бытъ десятинщиковъ.

Послѣ отмѣченнаго выше Положенія 1804 года объ обязанныхъ поселянахъ, ограждавшаго одни и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивавшаго другія права десятинщиковъ, и послѣ указа 1827 г., дававшаго льготы десятинщикамъ въ смыслѣ свободы перехода отъ одного владѣльца къ другому, десятинщики были затѣмъ предоставлены естественному ходу вещей. Великая освободительная реформа 1861 г. не коснулась десятинщиковъ, повидимому, потому, что положеніе ихъ въ эту пору было нормальнымъ: принадлежа къ свободному сословію, они находили тогда вполнѣ достаточное обезпеченіе личнымъ трудомъ, при существовавшихъ экономическихъ отношеніяхъ въ краѣ. Въ то время мѣщанинъ и десятинщикъ были почетнымъ званіемъ. Въ дореформенныхъ экономическихъ отношеніяхъ многоземельной тогда херсонской губерніи находитъ объясненіе и тотъ фактъ, что многіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ предпочитали отказываться отъ земельныхъ надѣловъ, разсчитывая, что существовавшія до того времени условія быта лично свободныхъ работниковъ продолжатся и дальше. Между тѣмъ крестьянская реформа, совмѣстно съ другими факторами пореформеннаго времени, рѣзко измѣнила экономическія отношенія въ краѣ. Хотя закрѣпощенныхъ рукъ и не стало, но пред-

ложеніе свободнаго труда при быстромъ приростѣ населенія, какъ естественнымъ путемъ, такъ и вселеніемъ пришлыхъ элементовъ, сдѣлалось настолько значительнымъ при слабо развивающейся хозяйственной дѣятельности въ краѣ, что личный земледѣльческій трудъ на чужой землѣ уже скоро послѣ реформы не давалъ достаточнаго обезпеченія. Актовые, отказавшіеся отъ надѣловъ или не получившіе таковыхъ по усмотрѣнію своихъ бывшихъ помѣщиковъ, присоединившись къ десятинщикамъ, уже не знали уплаты за землю „десятою частью промышленнаго и скотскаго прибытка", такъ какъ плата за землю, какъ въ денежной формѣ, такъ и натурою, быстро и неуклонно поднималась въ силу общихъ экономическихъ условій края, занимавшаго выгодное географическое положеніе. На ряду съ этимъ, подъ вліяніемъ уже другихъ факторовъ, латифундіи военныхъ и гражданскихъ чиновъ, полученныя въ рангъ, по неприспособленности этихъ землевладѣльцевъ удержаться на землѣ, раздробились, быстро переходя изъ рукъ въ руки и сосредоточивалсь въ значительной мѣрѣ или въ рукахъ нѣмцевъ, которые обычно занимаютъ всю свою землю подъ собственное хозяйство и не раздаютъ земли въ съемку окрестному населенію, или въ прижимистыхъ рукахъ разнаго рода разночинцевъ, которые, сдавая землю подесятинно, не пропускаютъ случая воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ безземельнаго земледѣльческаго населенія.—Таковъ въ основныхъ чертахъ процессъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ десятинщиковъ въ текущемъ столѣтіи, результатомъ которыхъ является описанный выше современный экономическій бытъ херсонскихъ десятинщиковъ.

Въ виду того, что внѣшнія условія неблагопріятно складывались для десятинщиковъ, отмѣченное выше среднее обезпеченіе десятинщиковъ, какъ особой группы земледѣльческаго населенія, свидѣтельствуетъ о значительной ихъ энергіи, а равно и о способности приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, особенно той части ихъ, которая своимъ значительнымъ обезпеченіемъ повышаетъ исчисляемую среднюю степень обезпеченія для всей группы десятинщиковъ.—Способность къ иниціативѣ, при-

сущал многимъ десятинщикамъ и сознаніе личнаго достоинства, выдѣляющее ихъ среди вообще отличающагося этимъ свойствомъ новороссійскаго населенія, при дальнѣйшихъ примѣненіяхъ существующаго экономическаго строя, могутъ оказаться существенно важными для этой группы населенія.

До этого мы отмѣчали условія, вліявшія на складъ быта десятинщиковъ съ конца прошлаго столѣтія; но складъ этотъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется условіями болѣе ранней поры, а именно особенностями колонизаціоннаго движенія изъ Украйны въ Ганщину, или Хапскую Украйну, простиравшуюся между Днѣстромъ и Бугомъ и существовавшую до времени присоединенія этого края къ Россіи при Екатеринѣ II. Сущность историческихъ вліяній въ этотъ періодъ на складъ быта десятинщиковъ довольно отчетливо опредѣляется при сопоставленіи двухъ параллельныхъ колонизаціонныхъ движеній изъ Украйны: съ одной стороны — на Запорожье, съ другой стороны — въ Ганщину.

Колонизаціонное движеніе на предѣлы Запорожья, особенно усилившееся послѣ основанія Запорожской Сѣчи („Чертолыцкой“, или „Сѣрновой“), обусловливаясь тѣми же мотивами, что и колонизаціонное движеніе въ Ганщину, т. е. исканіемъ личной свободы на вольной землѣ, характеризуется, однако, своими особыми чертами, отличающими оба эти массовыя передвиженія населенія изъ Украйны. Въ Запорожскія вольности и послѣ основанія Запорожской Сѣчи въ третьей четверти XVII вѣка стремились элементы движимые преданіями о быломъ *козакованьи* на низовьяхъ Днѣпра, какъ въ военномъ, такъ и въ промысловомъ значеніи этого слова; и хотя въ эту пору формы общественной жизни на Запорожьи, по сравненію съ старымъ Днѣпровскимъ казачествомъ, измѣнились подъ вліяніемъ политическихъ условій позднѣйшаго времени, но и эти послѣднія формы все таки тѣсно связывались съ распорядками стараго казачества на Запорожьи. Вступали ли новые насельники Запорожья въ составъ Сѣчевого „товарыства“, устраивались ли, выслужившись въ войскѣ, съ теченіемъ времени зимовниками для веденія той или другой отрасли хозяйства въ запорожскихъ паланкахъ, или

селились въ чертѣ поселеній Запорожскаго поспольства (въ сѣверной части территоріи Низового войска Запорожскаго),—во всѣхъ этихъ случаяхъ общественныя и экономическія отношенія новыхъ насельниковъ Запорожья опредѣлялись все таки казацкими распорядками, регулировались казацкимъ присудомъ.— Каждое поселеніе въ предѣлахъ Запорожья въ отношеніи внутреннихъ распорядковъ являлось олицетвореніемъ Запорожской общины; при равенствѣ не только *de jure*, но и *de facto* всѣхъ передъ войскомъ, право избранія изъ своей среды представителей суда и администраціи имѣло значеніе основного принципа общественной жизни на Запорожьи. Существованіе здѣсь такихъ распорядковъ при всѣхъ невзгодахъ колонизаціоннаго движенія въ почти пустопорожній край, порубежный съ татарскими кочевьями, не могло не поддерживать массового движенія изъ Украйны, усиливающагося, между прочимъ, и вслѣдствіе сословно-экономическихъ отношеній населенія въ этой послѣдней. Съ 18 вѣка права козацкаго сословія, какъ въ правобережной, такъ и особенно въ лѣвобережной Украйнѣ встрѣчали ограниченія, не говоря уже о государственномъ строѣ, и со стороны многочисленныхъ представителей козацкой старшины, проявившихъ въ эту пору особую склонность выдѣлиться изъ среды остальнаго козачества въ привиллегированное „шляхетное“ сословіе, при чемъ земли, добытыя нѣсколькими поколѣніями всего козачества, всякими способами сосрелоточивались въ рукахъ формировавшагося „малороссійскаго дворянства [1])“. Подготовляемое общимъ историческимъ ходомъ событій разложеніе козачества въ обѣихъ Украйнахъ, сопровождаемое возникающимъ панщинным строемъ, естественно, должно было дать усиленный прибой колонизаціонной волны на вольныя Запорожскія земли. Въ началѣ второй половины 17 столѣтія вѣдѣнію Запорожскаго Коша подлежало, какъ извѣстно, 8 населенныхъ паланокъ, при чемъ особенно дѣятельно заселялась сѣверная окраина Запорожскихъ вольностей.

---

[1]) А. Я. Ефименко, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1892 г.

При такихъ условіяхъ совершалось движеніе населенія изъ Украйны на Запорожье за время, предшествующее присоединенію нынѣшняго Новороссійскаго края къ Россіи.

Мотивы существовавшаго въ 18 вѣкѣ колонизаціоннаго движенія изъ Украйны въ степи между Днѣстромъ и Бугомъ, представляются для насъ въ значительной степени неясными. Мы не располагаемъ данными для объясненія того явленія, что часть населенія правобережной Украйны предпочитала путь въ Ганщину проторенному вѣками пути на Запорожье; намъ неизвѣстны также подробности зависимости пришлыхъ поселенцевъ въ Ганщинѣ отъ управлявшихъ краемъ баскаковъ, подвластныхъ въ свою очередь Крымскому хану. Допускать, что выходцы изъ Украйны находили въ степяхъ между Днѣпромъ и Бугомъ болѣе культурный бытъ, чѣмъ на Запорожьи, не представляется основательнымъ въ виду того, что сами кочевавшіе здѣсь татары находились на низкой степени развитія, тогда какъ Запорожскій Кошъ, по возвращеніи Низоваго Запорожскаго войска изъ Алешекъ на свои старыя мѣста надъ Великимъ Лугомъ Днѣпровскимъ, явно стремился къ развитію хозяйственной и, между прочимъ, земледѣльческой дѣятельности въ своихъ предѣлахъ.

А между тѣмъ колонизаціонное движеніе изъ Украйны въ Ганщину около половины 18 вѣка было значительнымъ. По донесенію Запорожскаго кошевого, относящемуся къ 1764 году, въ названной мѣстности существовало 6 поселеній, составившихся изъ выходцевъ изъ разныхъ сторонъ, главнымъ образомъ, „такимъ народомъ, какъ и малороссійскій“. Въ этомъ документѣ названы слѣдующія поселенія, и нынѣ существующія въ сѣверной части Аланьевскаго уѣзда: *Голта*, *Кривое Озеро*, *Ясеновое*, *Перелеты*, *Балта* и еще одно поселеніе съ неяснымъ названіемъ. Возникновеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ поселеній, по донесенію Запорожскаго кошевого, относится къ началу 50 годовъ. Въ самомъ крупномъ поселеніи—Балтѣ—было до 500 „хатъ“, во всѣхъ 6 поселеніяхъ дворовъ около 1000. Существенно важнымъ является сообщеніе кошевого о томъ, что обыватели недавно возникшихъ „ханскихъ слободъ“

не несли никакихъ повинностей, а болѣе давніе уплачивали „*десятую долю*“ отъ всякаго прибытка скотскаго и промышленнаго [1]). Въ этой десятой долѣ нельзя не узнать той самой дежмы, какую регламентировало отмѣченное въ началѣ нашего очерка „Положеніе объ обязательныхъ поселянахъ“. Упоминаніе кошевого о десятой долѣ лишь „скотскаго и промышленнаго прибытка“ указываетъ на то, что поселенцы въ Ганщинѣ земледѣліемъ въ ту пору еще не занимались.

Совершавшееся одновременно въ 18 вѣкѣ колонизаціонное движеніе изъ Украйны на Запорожье и въ Ганщину, обусловливаемое въ томъ и другомъ случаѣ стремленіемъ къ личной свободѣ, на вольной землѣ, съ точки зрѣнія историческаго прогреса представляется параллельнымъ. Но какъ не сходна судьба этихъ параллельныхъ массовыхъ движеній изъ Украйны въ Черноморскія степи! Днѣпровское казачество, выступившее на историческую сцену значительно раньше, чѣмъ десятинщики ханскихъ слободъ, представляло въ началѣ такое же малозначительное явленіе, какъ и десятинщики въ Ганщинѣ, отдавая въ началѣ точно также десятую долю промысловой добычи черкасскимъ и каневскимъ старостамъ,—такое въ началѣ казачество съ теченіемъ времени поднялось на степень важнаго историческаго явленія, оставило навсегда свой слѣдъ въ исторіи южно-русскаго народа, а существованіе десятинщиковъ со времени ихъ появленія и до послѣдняго времени представляетъ монотонную сутолоку изъ-за обезпеченія матеріальнаго существованія. Южно-русское казачество, возникшее и складывавшееся въ пору дѣятельнаго проявленія народной энергіи, выполняло опредѣленную историческую миссію, а десятинщики, оторванные общимъ ходомъ событій своей поры отъ общенародныхъ интересовъ родины, представляютъ лишь матеріалъ для непрекращающейся исторической эволюціи.

Левъ Падалка.

---

[1]) Скальковскій, „Исторія Новой Сѣчи“, ч. 1.

2007051194